

*А. О. Бولшев***СИТУАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО КРИЗИСА В КОЛЫМСКОЙ ПРОЗЕ
В. ШАЛАМОВА (К ПРОБЛЕМЕ РАССКАЗЫВАНИЯ О ТРАНСЦЕНДЕНТНОМ)**

Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена проблеме коммуникации в колымской прозе Варлама Шаламова. Главное внимание уделено тем случаям, когда коммуникативный сбой обусловлен соприкосновением шаламовских героев со сверхчеловеческим трансцендентным опытом, который не поддается вербализации и коммуникации. Подобное случается в ситуации зависания героя между жизнью и смертью. Здесь и возникает явление, которое может быть названо метафизическим коммуникативным барьером. Не так давно в нарратологии появились новые термины «unnarrate» и «unnarratable», означающие отказ от наррации; они используются для обозначения ситуации уклонения рассказчика от освещения каких-либо событий. Уклонение нарратора от рассказывания может быть обусловлено различными причинами. Анализ шаламовской прозы убеждает в том, что составленную Робинот Вэрхолот систематику unnarratable следовало бы дополнить еще одной существенной категорией: отказ нарратора от наррации может быть вызван фактором соприкосновения с трансцендентными феноменами, решительно выходящими за рамки человеческого опыта. Библиогр. 11 назв.

Ключевые слова: коммуникативный кризис, деградация, гуманистические иллюзии, unnarratable, трансцендентное, метафизическое напряжение.

**COMMUNICATION CRISIS IN THE KOLYMA TALES BY V. SHALAMOV:
ON NARRATING THE TRANSCENDENT***A. O. Bolshev*

Saint Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

The main concern of the paper is communication in the Kolyma Tales by V. Shalamov, with a specific focus on communication failure when Shalamov's heroes face something relating to the transcendent or to a reality beyond what is perceptible to the senses, supernatural, which is not to be rendered, namely when a hero is standing between life and death. In other words, it is a metaphysical communication barrier. In narratology there are two new terms: "unnarrate" and "unnarratable", that is a narrator refuses to tell about something due to some reasons. The analysis of Shalamov's prose calls for adding to Robyn R. Warhol's system of unnarratable a new category: a narrator refuses to narrate something due to something relating to the transcendent or to a reality beyond human experience. Refs 11.

Keywords: communication crisis, degradation, humanistic illusions, unnarratable, the transcendent, metaphysical strain.

Проблему коммуникации можно без преувеличения назвать одной из ключевых в «Колымских рассказах» В. Шаламова. Прежде всего бросается в глаза взаимное отчуждение шаламовских персонажей, они главным образом молчат, поскольку не испытывают потребности в общении: «...во всех случаях люди исчезали из жизни Христа, так ничего и не сказав о себе, уходили, как бы умирая, умирали, как бы уходя. Начальники, бригадиры, повара, каптеры, соседи по нарам, братья по тачке, товарищи по кайлу...» («Артист лопаты») [Шаламов 1998, с. 402]; «Я не знаю людей, которые спали рядом со мной. Я никогда не задавал им вопросов, и не потому, что следовал арабской поговорке: "Не спрашивай, и тебе не будут лгать". Мне было все равно — будут мне лгать или не будут, я был вне правды, вне лжи. У блатных на сей предмет есть жесткая, яркая, грубая поговорка, пронизанная глубоким

презрением к задающему вопрос: “Не веришь — прими за сказку”. Я не расспрашивал и не выслушивал сказок» («Сентенция») [Шаламов 1998, с. 358]. Если же эски все же рассказывают что-то о себе, эти истории, как правило, не воспринимаются слушателями всерьез, от любого рассказчика все привычно ожидают лжи: «Все ли рассказывал Кундуш о себе? Кто знает? Да и зачем это знать? “Не веришь — прими за сказку”. В лагере не спрашивают ни о прошлом, ни о будущем» («Курсы») [Шаламов 1998, с. 457]. Впрочем, сомнения вызывает аутентичность не только чужих историй, но и собственных воспоминаний о долагерной жизни:

«Багрецов негромко выругался. Он оцарапал палец, текла кровь. Он присыпал рану песком, вырвал клочок ваты из телогрейки, прижал — кровь не останавливалась.

— Плохая свертываемость, — равнодушно сказал Глебов.

— Ты врач, что ли? — спросил Багрецов, отсасывая кровь.

Глебов молчал. Время, когда он был врачом, казалось очень далеким. Да и было ли такое время? Слишком часто тот мир за горами, за морями казался ему каким-то сном, выдумкой. Реальной была минута, час, день от подъема до отбоя — дальше он не загадывал и не находил в себе сил загадывать. Как и все.

Он не знал прошлого тех людей, которые его окружали, и не интересовался им. Впрочем, если бы завтра Багрецов объявил себя доктором философии или маршалом авиации, Глебов поверил бы ему, не задумываясь. Был ли он сам когда-нибудь врачом? Утрачен был не только автоматизм суждений, но и автоматизм наблюдений. Глебов видел, как Багрецов отсасывал кровь из грязного пальца, но ничего не сказал. Это лишь скользнуло в его сознании, а воли к ответу он в себе найти не мог и не искал. То сознание, которое у него еще оставалось <...>, возможно, уже не было человеческим сознанием...» («Ночью») [Шаламов 1998, с. 14].

В результате же словесное общение героев «Колымских рассказов» носит по преимуществу вынужденный, обусловленный производственно-бытовой необходимостью характер — соответственно и лагерный лексикон сводится к минимальному количеству слов, необходимых зеку: «Подъем, развод по работам, обед, конец работы, отбой, гражданин начальник, разрешите обратиться, лопата, шурф, слушаюсь, бур, кайло, на улице холодно, суп горячий, хлеб, пайка, оставь покурить — двумя десятками слов обходился я не первый год. Половина из этих слов была ругательствами» («Сентенция») [Шаламов 1998, с. 361]. Нечастые попытки прервать молчание оборачиваются для шаламовских героев в лучшем случае диалогами глухих, а в худшем — беспричинными и бессмысленными конфликтами, спорами и даже драками. Причиной подобного рода провалов коммуникации¹ являются серьезные аберрации человеческой психики, обусловленные фактором голода:

«Самое страшное в голодных людях — это их поведение. Все как у здоровых, и все же это — полусумасшедшие. Голодные всегда яростно отстаивают справедливость — если они не слишком голодны, не чересчур истощены. Они — вечные спорщики, отчаянные драчуны. Обычно лишь одна тысячная часть поругавшихся между собой людей на самых предельных нотах доводит дело до драки. Голодные вечно дерутся. Споры вспыхивают по самым диким, самым неожиданным пово-

¹ Ситуация «провала коммуникации» («диалога глухих») в отечественной науке исследована прежде всего на материале творчества А. Чехова. См., например: [Щеглов; Степанов].

дам: “Зачем ты взял мое кайло?... занял мое место?” Кто покороше, пониже, норовит дать подножку и сбить с ног противника. Кто повыше — навалиться и уронить врага своей тяжестью, а потом царапать, бить, кусать... Все это бессильно, не больно, не смертельно — и слишком часто, чтобы заинтересовать окружающих. Драк не разнимают» («Надгробное слово») [Шаламов 1998, с. 375].

Следует помнить, что голодные почти все персонажи «Колымских рассказов», но при этом они находятся на различных стадиях «алиментарной дистрофии» («Как это началось») [Шаламов 1998, с. 390], и у каждого — разное количество «мяса на костях». Важнейший лейтмотив шаламовской прозы — мысль о том, что взгляды и поступки людей всецело обусловлены степенью их «резкого физического истощения» («Как это началось») [Шаламов 1998, с. 390]: моральные доктрины, системы ценностных ориентаций, поведенческие реакции являются производными от количества мяса на человеческих костях. Так, например, если сравнительно сытый десятник проявляет определенный интерес к происходящим в мире событиям, то простого голодного зека даже новость о начале Великой Отечественной войны оставляет равнодушным («Июнь») [Шаламов 1998, с. 506]. В шаламовских рассказах довольно часто звучит мысль о том, что при минимальном количестве мяса на костях человек способен лишь на злобу:

«Не много мяса осталось на моих костях. Этого мяса достаточно было только для злости — последнего из человеческих чувств. Не равнодушие, а злость была последним человеческим чувством — тем, которое ближе к костям» («Сентенция») [Шаламов 1998, с. 358]; «Все человеческие чувства — любовь, дружба, зависть, человеколюбие, милосердие, жажда славы, честность — ушли от нас с тем мясом, которого мы лишились за время своего продолжительного голодания. В том незначительном мышечном слое, что еще оставался на наших костях, что еще давал нам возможность есть, двигаться, и дышать, и даже пилить бревна, и насыпать лопатой камень и песок в тачки, и даже возить тачки по нескончаемому деревянному трапу в золотом забое, по узкой деревянной дороге на промывочный прибор, в этом мышечном слое размещалась только злоба — самое долговечное человеческое чувство» («Сухим пайком») [Шаламов 1998, с. 35–36]; «Дружба заводится в положении «средней тяжести», когда мяса на костях человека еще достаточно. А последнее мясо кормит только два чувства: злобу или равнодушие» («Дорога в ад») [Шаламов 2009, с. 155].

Таким образом, процесс голодного истощения, в ходе которого количество мяса на человеческих костях уменьшается, достигая предельно малой величины, принимает у Шаламова характер несомненной деградации. Дистрофия (особенно в условиях колымского холода) ведет к утрате ключевых человеческих свойств, включая даже способность мыслить: «Никогда я не задумался ни одной длительной мыслью. Попытки это сделать причиняли прямо физическую боль. <...> Я думал обо всем покорно, тупо. <...> Да и мысль ли это была? Это было какое-то инстинктивное, примитивное мышление» («Воспоминания») [Шаламов 2009, с. 149]. Утрата индивидом всех человеческих черт за исключением злобы — инвариантная для «Колымских рассказов» ситуация. Иногда воспроизводится и обратный процесс: герою улыбается удача, он возвращается к жизни; мяса на его костях становится все больше, а значит, восстанавливаются утраченные свойства. Наиболее показательным примером является рассказ «Сентенция», где вернувшийся из небытия герой обретает сначала равнодушие-бесстрашие, потом страх и т. д.:

«Потом появилось у меня нечто иное, чем злость или злоба, существующие вместе со злостью. Появилось равнодушие-бесстрашие. Я понял, что мне все равно — будут меня бить или нет, будут давать обед и пайку — или нет. За равнодушием пришел страх — не очень сильный страх — боязнь лишиться этой спасительной жизни.... Мясо на моих костях день ото дня росло. Зависть — вот как называлось следующее чувство, которое вернулось ко мне. Я позавидовал мертвым своим товарищам — людям, которые погибли в тридцать восьмом году. Я позавидовал и живым соседям, которые что-то жуют, соседям, которые что-то закуривают. Я не завидовал начальнику, прорабу, бригадиру — это был другой мир. Любовь не вернулась ко мне. Ах, как далеко любовь от зависти, от страха, от злости. Как мало нужна людям любовь. Любовь приходит тогда, когда все человеческие чувства уже вернулись. Любовь приходит последней, возвращается последней, да и возвращается ли она? Но не только равнодушие, зависть и страх были свидетелями моего возвращения к жизни. Жалость к животным вернулась раньше, чем жалость к людям» [Шаламов 1998, с. 360].

Итак, перед нами, казалось бы, предельно ясная ситуация — голод превращает человека в животное: «...тысячелетняя цивилизация слетает, как шелуха, и звериное биологическое начало выступает в полном обнажении...» («Воспоминания») [Шаламов 2009, с. 148]; потерявший человеческие качества герой утрачивает навыки общения с себе подобными; в фокусе же шаламовского внимания оказывается вопрос о том, «у какой последней черты теряется человеческое» («Воспоминания») [Шаламов 2009, с. 149]. Вообще же лагерный опыт, по Шаламову, является целиком и полностью отрицательным и абсолютно ничего позитивного человеку не приносит: «Ужасно видеть лагерь, и ни одному человеку в мире не надо знать лагерей. Лагерный опыт — абсолютно отрицательный, до единой минуты. Человек становится только хуже» («Инженер Киселев») [Шаламов 1998, с. 425–426]. И действительно, «Колымские рассказы» являют массу впечатляющих примеров полной утраты людьми человеческого облика. Чего стоят хотя бы изображенные в новелле «Любовь капитана Толли» страшные игры «на живца», практикуемые в «Джелгале» бывшими московскими интеллигентами: «На пустой стол клали пайку хлеба, потом прятались в угол и ждали, пока голодная жертва, доходяга какой-нибудь, подойдет, замороженный хлебом, и дотронется, схватит эту пайку. Тогда все бросались из угла, из темноты, из засады, и начинались смертные побои вора, живого скелета <...>. Организатором этих развлечений был доктор Кривицкий, старый революционер, бывший заместитель наркома оборонной промышленности. Вкупе с журналистом из “Известий” Заславским, Кривицкий был главным организатором этих кровавых “живцов”, этих страшных приманок» [Шаламов 1998, с. 435].

Вместе с тем внимательное чтение «Колымских рассказов» убеждает, что с процессом голодного истощения дело обстоит у Шаламова не так просто, как кажется на первый взгляд. Прежде всего оказывается, что дистрофия, отнимая у человека столь многие необходимые свойства, в то же время дает и некоторые важные преимущества — например, благодаря ей утрачивается страх смерти. Так, характеризуя собственное состояние в условиях колымского голодания, Шаламов указывал: «Эта нравственная и духовная тупость имела одну хорошую сторону — я не боялся смерти и спокойно думал о ней» («Воспоминания») [Шаламов 2009, с. 149]. Но самое главное преимущество дистрофика перед сытым заключается в том, что вместе с переизбытком мяса на костях человек избавляется (помимо ценных и необходимых

духовно-нравственных свойств) также и от всякого рода прекраснодушно-гуманистических иллюзий. Писатель убежден, что сытость в большинстве случаев оборачивается для людей пресыщенностью, становясь источником всякого рода аберраций псевдогуманистического свойства, связанных с резкой переоценкой человеческой доброты. Современная цивилизация с ее благополучием формирует декорум, который заслоняет от человека его собственную зверино-дикарскую сущность.

Процесс голодного истощения, изображение которого составляет основу большинства колымских рассказов, обнаруживает всецело амбивалентную природу. Являя собою несомненную деградацию человека, лагерная «алиментарная дистрофия» в то же время оказывается ситуацией испытания личности, выявления голой человеческой сути, освобождающейся — вместе с мясом на костях — от всего иллюзорного, внешнего, необязательного. Об этой первооснове человеческой природы Шаламов не раз высказывался со всей определенностью: «...звериное начало... живет в человеке» [Шаламов 1993, с. 153]; «любая цивилизация рассыплется в прах в три недели и перед человеком предстанет облик дикаря». [Шаламов 1993, с. 155]. Автор колымской прозы, по собственному признанию, показал «человека в исключительных обстоятельствах, когда все отрицательное... обнажено безгранично» [Шаламов 1993, с. 153].

Как известно, Шаламов любил читать сочинения русских прозаиков XX века с карандашом в руке, вычеркивая все, что представлялось ему лишним. Такая редукционистская рецепция чужих текстов обнаруживает несомненную связь с творческим методом автора «Колымских рассказов». Страшные, бесстрастные, предельно лаконичные описания колымского ада невольно заставляют вспомнить безжалостный шаламовский карандаш, вычеркивающий у И. Бабеля или Л. Рейснера все то, что, по мнению автора «Сентенции», носило иллюзорно-камуфлирующий характер и уводило в сторону от голой страшной сути.

Особого внимания в «Колымских рассказах» заслуживает специфическая ситуация, связанная с пребыванием индивида между жизнью и смертью. Подобное случается, когда процесс голодного истощения доходит до конца и жизнь человека фактически прекращается, однако смерть не наступает. Как подчеркивает Шаламов, такое состояние уникально и попросту не имеет названия: «Не жизнью была смерть замещена, а полусознанием, существованием, которому нет формул и которое не может называться жизнью» («Сентенция») [Шаламов 1998, с. 358]². В подобных случаях возникает явление, которое может быть названо метафизическим коммуникативным барьером. Индивид возвращается буквально из преисподней обратно в сферу земного бытия, обремененный трансцендентным знанием, которым он, однако, не в состоянии поделиться с окружающими: этот его опыт попросту не может быть выражен на человеческом языке.

Не так давно в нарратологии появились новые термины «unnarrate» и «unnarratable», означающие отказ от наррации, они используются для обозначения ситуации уклонения рассказчика от освещения каких-либо событий. Уклонение нарратора от рассказывания может быть обусловлено различными факторами: банальностью каких-либо действий, носящих рутинный и сниженно-бытовой

² Отдельные наблюдения над спецификой «пороговой ситуации» у Шаламова содержатся в работах исследователей, которые затрагивали вопрос о связях «Колымских рассказов» с философией экзистенциализма (см.: [Берютти; Жаравина, с. 28–50]).

характер, а потому не стоящих упоминания, или же моральными запретами, которые действуют в обществе (так, в рамках английского викторианского романа недопустимым считалось изображение сексуальных отношений, и в подавляющем большинстве случаев дело ограничивалось лишь туманными намеками на все, что имело отношение к этой сфере). Анализ шаламовской прозы убеждает в том, что составленную Робинот Вэрхолот систематику *unnarratable* [Robyn R. Warhol, с. 220–231] следовало бы дополнить еще одной существенной категорией: отказ нарратора от наррации может быть вызван фактором соприкосновения с трансцендентными феноменами, решительно выходящими за рамки человеческого опыта.

Думается, что во многом аналогичные ситуации возникают в произведениях Ф. Достоевского, они связаны с попытками некоторых его героев донести до окружающих свой опыт созерцания (во сне или во время приступов эпилепсии) гармонического совершенства. Всякий раз обнаруживается, что этот мистическо-визионерский опыт не поддается коммуникации. Так, герой фантастического рассказа «Сон смешного человека» пытается связно передать словами открывшуюся ему райскую гармонию, но сталкивается с невозможностью создания сколько-нибудь аутентичного описания. Непреодолимым препятствием оказывается отсутствие в человеческом опыте и языке понятий и слов, которые были бы адекватны увиденной им сверхчеловеческой гармонии. В результате герою-рассказчику приходится идти на подмену трансцендентных реалий земными «суррогатными» аналогами, но прежде всего он вынужден использовать фигуру умолчания: «О да, конечно, я был побежден лишь одним ощущением того сна, и оно только одно уцелело в до крови раненном сердце моем: но зато действительные образы и формы сна моего, то есть те, которые я в самом деле видел в самый час моего сновидения, были восполнены до такой гармонии, были до того обаятельны и прекрасны, и до того были истинны, что, проснувшись, я, конечно, не в силах был воплотить их в слабые слова наши, так что они должны были как бы стусеваться в уме моем, а стало быть, и действительно, может быть, — я сам, бессознательно, принужден был сочинить потом подробности и, уж конечно, исказив их, особенно при таком страстном желании моем поскорее и хоть сколько-нибудь их передать» [Достоевский 1978, с. 115]; «Но как устроить рай — я не знаю, потому что не умею передать словами... Я все-таки видел воочию, хотя и не умею пересказать, что я видел» [Достоевский 1978, с. 118].

Отчасти аналогичным образом в романе «Идиот» охарактеризованы эпилептические видения князя Мышкина. Эти характеристики, организованные точкой зрения героя, представляют собой совокупность «туманных выражений»: «Эти туманные выражения казались ему самому очень понятными, хотя еще слишком слабыми. В том же, что это действительно “красота и молитва”, что это действительно “высший синтез жизни”, в этом он сомневаться не мог, да и сомнений не мог допустить. Ведь не видения же какие-нибудь снились ему в этот момент, как от хашиша, опиума или вина, унижающие рассудок и искажающие душу, ненормальные и несуществующие? <...> Если в ту секунду, то есть в самый последний сознательный момент пред припадком, ему случалось успевать ясно и сознательно сказать себе: “Да, за этот момент можно отдать всю жизнь!” то, конечно, этот момент сам по себе и стоил всей жизни. <...> Действительность ощущения всё-таки несколько смущала его. Что же в самом деле делать с действительностью? Ведь это самое бывало же, ведь он сам же успевал сказать себе в ту самую секунду, что эта секунда, по

беспредельному счастью, им вполне ощущаемому, пожалуй, и могла бы стоять всей жизни. “В этот момент, — как говорил он однажды Рогожину, в Москве, во время их тамошних сходов, — в этот момент мне как-то становится понятно необычайное слово о том, что времени больше не будет. Вероятно, — прибавил он, улыбаясь, — это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего однако в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы”» [Достоевский 1973, с. 188–189]. Очевидно, что «туманные выражения» в данном случае представляют собой не что иное, как последовательный уход от описания «Аллаховых жилищ», то есть райской гармонии.

Сходную природу имеет, на мой взгляд, и вышеупомянутая ситуации *unnarratable* у Шаламова, только в «Колымских рассказах» речь идет, разумеется, не о райской гармонии, а о преисподней³. Характеризуя угол зрения, под которым в его произведениях представлен колымский беспредел, Шаламов не случайно высказался о Плутоне, поднявшемся из ада. Шаламовский рассказчик порой вынужден прибегать к фигуре умолчания, поскольку не может поделиться с окружающими его живыми людьми своими мыслями и ощущениями, которые несут неизгладимый отпечаток пребывания в царстве мертвых. Впрочем, шаламовские герои не делают даже попыток коммуникации некоммуникабельного, они не пробуют донести до живых людей хотя бы частицу своего замогильного опыта, понимая, что он не укладывается в рамки человеческого сознания и языка:

«Все, что видел он, им не надо было знать. <...> Здесь были еще люди — Андреев был представителем мертвецов. И его знания, знания мертвого человека, не могли им, еще живым, пригодиться» («Тифозный карантин») [Шаламов 1998, с. 166]; «Я не хотел бы сейчас возвращаться в свою семью. Там никогда меня не поймут, не смогут понять. <...> То, что я видел, — человеку не надо видеть и даже не надо знать» («Надгробное слово») [Шаламов 1998, с. 380]. «Там много такого, чего человек не должен знать, не должен видеть, а если видел — лучше ему умереть» [Шаламов 2009, с. 159].

Подобная ситуация становится в шаламовском дискурсе источником мощного метафизического напряжения. Возникает особый угол зрения, особый ракурс восприятия: читатель буквально ощущает соприкосновение с поднявшимся из ада Плутоном, за эзотерическим молчанием которого явственно обнаруживается нечто невыразимое, невыговариваемое. Не этим ли фактором отчасти объясняется эффект воздействия «Колымских рассказов» на читателя?

Впрочем, при всей несомненной оригинальности своего творческого метода, Шаламов в процессе моделирования ситуации метафизического коммуникативного барьера, разумеется, опирался и на уже имевшийся в его распоряжении литературный опыт, связанный с попытками изображения мистического контакта представителя мира мертвых с живыми людьми. Думается, что в этом плане главным ориентиром для автора колымской прозы мог послужить рассказ Л. Андреева «Елеазар», в основу которого положен евангельский эпизод воскрешения Христом умершего Лазаря⁴.

³ Уподобление Колымы аду — один из лейтмотивов шаламовской прозы.

⁴ На возможную связь шаламовского изображения ситуации возвращения из царства мертвых с рассказом Л. Андреева «Елеазар» мне указал проф. М. В. Отрадин.

Русская культура знала немало оптимистических, просветленно-утопических рецeпций данного сюжета, в ряду которых прежде всего выделяется знаменитая сцена из «Преступления и наказания» Достоевского, где ситуация воскрешения Лазаря (в романе евангельский фрагмент читает вслух глубоко верующая Соня Мармеладова) проецируется на судьбу Раскольникова. Н. Федоров сделал эпизод с Лазарем одним из краеугольных камней своей утопической «философии общего дела»; в его оригинальной трактовке Христос возвращением к жизни умершего Лазаря, а затем и собственным воскресением символически подчеркнул, что подлинная цель существования рода человеческого состоит в победе над смертью: «...воскрешением Лазаря и воскресением Христа, по учению христианскому, положено начало дела, которое завершится всеобщим воскресением». Андреев же, как бы полемизируя в своем рассказе с идеей воскрешения мертвецов, заостряет внимание на принципиальной невозможности для своего героя по-настоящему вернуться из царства тьмы в земной мир.

Люди радушно относятся к Елеазару, поначалу не понимая, что трехдневный опыт пребывания за смертной чертой изменил его до основания. «Отчего ты не расскажешь нам, Елеазар, что было там?» [Андреев, с. 194] — спрашивают они героя, который ничего не может ответить:

Три дня он был мертв: трижды всходило и заходило солнце, а он был мертв; дети играли, журчала по камням вода, горячая пыль вздымалась на проезжей дороге, — а он был мертв. И теперь он снова среди людей — касается их — смотрит на них — смотрит на них! — и сквозь черные кружки его зрачков, как сквозь темные стекла, смотрит на людей само непостижимое Там [Андреев, с. 195–196].

В глазах Елеазара обнаруживаются «великая тьма» и «великая пустота» [Андреев, с. 198], которые объемлют все мироздание: «и, объятый пустотой и мраком, безнадежно трепетал человек перед ужасом бесконечного» [Андреев, с. 198]. Представляется, что столь же безнадежную «великую тьму» несут в себе и шаламовские герои, возвращающиеся в мир, подобно рассказчику «Сентенции», фактически из небытия.

Можно уверенно утверждать, что тема некоммуникабельности является одной из ключевых в шаламовской прозе. Вечная проблема отсутствия между людьми взаимопонимания раскрывается в «Колымских рассказах» оригинальным образом. Столь типичная для мировой литературы XX века ситуация «диалога глухих» обретает у Шаламова абсолютно непреодолимую инфернально-метафизическую безысходность.

Литература

- Андреев Л. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1990. 557 с.
- Берютти М. Экзистенциальные позиции в лагерной прозе Варлама Шаламова // IV Международные Шаламовские чтения, Москва, 18–19 июня 1997 г. М.: Республика, 1997. С. 53–66.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 8: Идиот. Л.: Наука, 1973. 511 с.
- Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Т. 25: Дневник писателя за 1877 год. Январь — август. Л.: Наука, 1983. 470 с.
- Жаравина Л. «И верю, был я в будущем»: Варлам Шаламов в перспективе XXI века. М.: Флинта; Наука, 2014. 223 с.
- Степанов А. Д. Проблемы коммуникации у Чехова. М.: Языки славянских культур, 2005. 400 с.

- Шаламов В. Т. Из переписки // Знамя. 1993. Вып. 5. С. 140–158.
- Шаламов В. Т. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1: Колымские рассказы. М.: Худож. лит.; Вагриус, 1998. 619 с.
- Шаламов В. Т. Несколько моих жизней: воспоминания, записные книжки, переписка. М.: Эксмо, 2009. 1072 с. (Жизнеописание знаменитых людей).
- Щеглов Ю. Молодой человек в дряхлеющем мире (Чехов: «Ионыч») // Мир автора и структура текста / под ред. А. Жолковский, Ю. Щеглов. Tenaflly, N. J.: Hermitage, 1986. С. 21–52.
- Warhol R. R. Neonarrative or How to Render the Unnarratable in Realist Fiction and Contemporary Film // A Companion to Narrative Theory / eds J. Phelan, P. J. Rabinowitz. Oxford: Blackwell Publ., 2005. P. 220–231.
- Для цитирования:** Большев А. О. Ситуация коммуникативного кризиса в колымской прозе В. Шаламова (к проблеме рассказывания о трансцендентном) // Вестник СПбГУ. Серия 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2016. Вып. 3. С. 74–82. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.309.

References

- Andreev L. N. *Sobranie sochinenii: v 6 t. [Collected Works: In 6 vols]*. Vol. 2. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1990. 557 p. (In Russian)
- Berutti M. Ekzistentsial'nye pozitsii v lagernoi proze Varlama Shalamova [Existential Positions in Camp Prose by Varlam Shalamov]. [*Proceedings of the IV International conference "Shalamovskie chteniia"*]. Moscow, 18–19 June, 1997. Moscow, Respublika Publ., 1997, pp. 53–66. (In Russian)
- Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. [Complete Collection of Works: In 30 vols]*. Vol. 8: Idiot [Idiot]. Leningrad, Nauka Publ., 1973. 511 p. (In Russian)
- Dostoevskii F. M. *Polnoe sobranie sochinenii: v 30 t. [Complete Collection of Works: In 30 vols]*. Vol. 25: Dnevnik pisatelja za 1877 god. Janvar' — avgust [Writer's Diary for 1877. January — August]. Leningrad, Nauka Publ., 1983. 470 p. (In Russian)
- Zharavina L. "I veriu, byl ia v budushchem": Varlam Shalamov v perspektive XXI veka ["I Believe that I was in the Future": Varlam Shalamov in the XXI Century Perspective]. Moscow, Flinta Publ.; Nauka Publ., 2014. 223 p. (In Russian)
- Stepanov A. D. *Problemyi kommunikatsii u Chehova [Issues of Communication in Chekhov's Works]*. Moscow, LRC Publishing House, 2005. 400 p. (In Russian)
- Shalamov V. T. Iz perepiski [From Correspondence]. *Znamia*, 1993, vol. 5, pp. 140–158. (In Russian)
- Shalamov V. T. *Sobranie sochinenii: v 4 t. [Selected Works: In 4 vols]*. Vol. 1: Kolymskie rasskazy [The Kolyma Tales]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ.; Vagrius Publ., 1998. 619 p. (In Russian)
- Shalamov V. T. *Neskol'ko moikh zhiznei: vospominaniia, zapisnye knizhki, perepiska [My Several Lives: Recollections, Diaries, Letters]*. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 1072 p. (Zhizneopisaniia znamenitkh liudei) (In Russian)
- Shcheglov I. Molodoi chelovek v driakhleiushchem mire (Chekhov: "Ionych") [A Young Man in the Decrepit World (Chekhov: "Ionych")]. Zholkovskii A., Shcheglov Iu. *Mir avtora i struktura teksta [The Author's World and Text Structure]*. Tenaflly, N. J., Hermitage Publ., 1986, pp. 21–52. (In Russian)
- Warhol R. R. Neonarrative or How to Render the Unnarratable in Realist Fiction and Contemporary Film. A Companion to Narrative Theory. Eds. J. Phelan, P. J. Rabinowitz. Oxford, Blackwell Publ., 2005, pp. 220–231.

For citation: Bolshev A. O. Communication Crisis in the Kolyma Tales by V. Shalamov: On Narrating the Transcendent. *Vestnik SPbSU. Series 9. Philology. Asian Studies. Journalism*, 2016, issue 3, pp. 74–82. DOI: 10.21638/11701/spbu09.2016.309.

Статья поступила в редакцию 15 мая 2015 г.
Статья рекомендована в печать 28 марта 2016 г.

Контактная информация:

Большев Александр Олегович — доктор филологических наук, профессор; olegovich1955@mail.ru
Bolshev Aleksandr O. — Doctor of Philology, Professor; olegovich1955@mail.ru